

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.03

Правильная ссылка на статью:

Андреев А. Л. Глобальный мир и этническая революция // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 23—36. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.03.

For citation:

Andreev A. L. Global world and ethnic revolution. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 4. P. 23—36. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.03.

А. Л. Андреев ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И ЭТНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР И ЭТНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор Московского энергетического института (НИУ МЭИ) и Московского инженерно-физического института (НИЯУ МИФИ), Москва, Россия.

E-MAIL: sympathy_06@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1692-573X

GLOBAL WORLD AND ETHNIC REVOLUTION

Andrey L. ANDREEV^{1,2} — Dr. Sci (Philos.), Chief Research Fellow, Professor
E-MAIL: sympathy_06@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1692-573X

¹ Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow Power Engineering Institute (National Research University)

² National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute), Moscow, Russia

Аннотация. В работе развивается концепция этнической революции, которую автор рассматривает как один из ведущих социально-исторических процессов современного этапа глобализации. Этническая революция связывается с феноменом «возрождения этничности» и понимается как не ограниченный никакой определенной территорией общий процесс реформатирования этничности и этнических идентичностей. При этом речь должна идти о возникновении некоторого нового качества. В этом контексте

Abstract. The article develops the concept of ethnic revolution which the author regards as one of the major socio-historical processes of the modern stage of globalization. The ethnic revolution is associated with the phenomenon of the «revival of ethnicity» and understood as a general process of re-establishment of ethnicity and ethnic identities which is not limited to any particular territory. In this respect, the issue should refer to a new characteristic. The author examines different types of ethnicity in the context of renovation of social norms

обновления социальных форм и отношений автор рассматривает вопрос о дифференциации типов этничности, а также высказывает предположение о том, что так называемая «постнациональная идентичность» является лишь переходным звеном к формированию принципиально новых этнонациональных общностей. На основе анализа ситуации в различных странах мира, в том числе в ЕС, России и других постсоветских государствах, выявляются характерные признаки этнической революции, подчеркивается ее генетическая обусловленность изменениями в пространственной структуре экономических и коммуникационных взаимодействий. Значительное внимание уделяется роли миграций как одному из «драйверов» этнической революции. Предостерегая от имеющих хождение в научной литературе попыток представить этничность как реликт архаики, автор показывает ее функциональность в современных социальных практиках, рассматривая ее как форму социально-психологической и когнитивной компенсации нарастающей сложности социального мира, а также как фактор экономической конкурентоспособности (этноэкономика).

Ключевые слова: глобальный мир, этничность, этническая дифференциация, нация, национализм, этническая революция, межэтнические противоречия, миграция

Благодарность. Статья написана при поддержке РФФИ. Грант № 17-23-1007 а(м).

and relationships and suggests that the so-called «post-national identity» is only a transitional step towards the formation of fundamentally new ethno-national communities. The situational analysis in different countries, including the EU countries, Russia and other post-Soviet states, reveals specific features of ethnic revolution; its genetic dependence on the spatial structure of economic interactions and communications is described. The author warns against researchers' attempts to define ethnicity as an archaism; presenting it as a form of socio-psychological and cognitive compensation for the growing complexity of the social world and as a factor of economic competitiveness (ethno-economy), the author proves its functionality in modern social practices.

Keywords: global world, ethnicity, ethnic differentiation, nation, nationalism, ethnic revolution, interethnic contradictions, migration

Acknowledgment. The paper is supported by Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (grant no. 17-23-1007 a(m)).

Постановка проблемы

Изучение социальной жизни в ее этническом (этнокультурном, этнонациональном) измерении можно сравнить с разработкой логики нечетких множеств. Этнос, субэтнос, этносоциум, этничность, нация, пред-нация, национальность, народность, идентичность, национальное самосознание, этнократия, национализм, трайбализм, этносепаратизм — практически все относящиеся к этому проблемному полю базовые концепты принадлежат к числу интуитивно понятных, но ускользающих от четкого определения. В результате вполне закономерно возникла возможность чрезвычайно большого разброса теоретических интерпретаций, а ее реализация привела к возникновению такого множества парадигмально различных подходов, которое следует признать избыточным [ср.: Грох, 2011]. При этом одни и те же фактические данные могут стать основой для исключаящих друг друга суждений. В такой ситуации эмпирической этносоциологии лучше держаться подальше от теоретических споров. Но это, однако, означает, что она может задавать своим респондентам только простые вопросы — на уровне обычного здравого смысла. Эмпирическая же верификация этнологических теорий и их «привязка» к социальной реальности методами социологии становятся в этом случае затруднительными (если вообще возможными), что сильно ограничивает горизонт прогнозирования и сильно уменьшает шансы уловить те «медленные» глубинные тренды, которые подспудно создают предпосылки будущих качественных изменений и трансформации всего этнического поля.

Одним из следствий избыточного парадигмального плюрализма стало то, что самые принципиальные научные дискуссии по вопросам этничности, наций и национализма сосредоточились преимущественно на генезисе этих явлений. С генезисом связывают и то, что определяют как «природу» того или иного явления. Такая акцентировка особенно удобна для обоснования исходных допущений, а также методологии. Однако попытка вывести сущность явлений из их происхождения представляется нам недостаточной. Так рассуждала диалектика XIX в., и на том уровне знаний подобная логика была достаточно адекватной. Но сегодня, когда мы открываем для себя специфику феномена сложности [Майнцер, 2010], проявляющегося в различных нелинейных эффектах и эмерджентных качествах, характеристики рассматриваемых нами социальных объектов во многих случаях надо связывать не только с прошлым, но и с будущим, виртуально присутствующим в реально складывающихся тенденциях в форме так называемых аттракторов.

Этнические (этнокультурные) процессы тесно связаны с исторической памятью их участников и потому характеризуются значительной инертностью. Так, например, этническая идентичность может устойчиво воспроизводиться во многих сменяющих друг друга поколениях несмотря на исчезновение того социально-исторического контекста, который когда-то способствовал ее формированию. В силу этого характерную для жестких версий материалистического детерминизма (в том числе и марксистской) методологическую установку на выведение «национального вопроса» из социально-экономических отношений вряд ли можно признать достаточно обоснованной. Более корректно было бы говорить о взаимном влиянии одного на другое. Но во всяком случае изменение социально-экономических условий и политических обстоятельств влияет на ресурсную базу этнических про-

цессов, включает их в иные социальные композиции или даже вызывает к жизни новые процессы, которые развиваются рядом с уже существующими и как бы накладываются на них. В результате, несмотря на инертность отдельных элементов «этнического ландшафта» той или иной эпохи, он сильно модифицируется и в итоге может принять совсем иной вид.

Поскольку феномен этнической дифференциации человечества возник из территориального разделения общностей, он изначально определенным образом связан с социальными и социокультурными характеристиками географического пространства. Трансформация пространства — только не «пустого», чисто геометрического, а «заполненного» социальными взаимодействиями — является, в самом общем виде, основой этнической истории. И здесь она неразрывно переплетается с перипетиями главного социально-исторического процесса последних столетий — процесса глобализации, описывающие же и изучающие этническую динамику научные дисциплины, соответственно этому, в предметном плане пересекаются с социологическими разделами глобалистики.

Глобализация имеет две взаимосвязанных составляющих, с одной стороны — социально-экономическую (формирование мировых рынков, универсализация образа жизни, интенсификация международного общения, появление международных организаций, а также постепенное расширение сферы их компетенции и т. п.), с другой — техническую (развитие транспорта и средств связи). Соответственно, ее можно рассматривать как своего рода масштабный социотехнический проект, осуществление которого прошло через ряд фаз. Уже ранние стадии этого процесса отмечены возникновением совершенно новых форм этнической и этнокультурной консолидации (таких как переселенческие нации). Мы, однако, не будем углубляться в историю данного вопроса, а остановимся на тенденциях и явлениях, связанных с особенностями начавшейся на исходе XX в. нынешней фазы глобализации.

Нельзя не заметить происходящих буквально у нас на глазах изменений в характере этнической динамики. И дело не только в том, что отношения этнических общностей очень быстро меняются — одновременно реформируется и сама модель этнической дифференциации человечества. В свое время это дало нам основания определить происходящее как *этническую революцию* [Андреев, 1996]. И последующее развитие событий, на наш взгляд, лишь добавило аргументов в пользу данной точки зрения. Таким образом, характерологическими признаками текущей фазы глобализации надо считать не только так называемый вашингтонский консенсус, распространение компьютерных сетей и реструктурирование системы международного разделения труда (что постоянно отмечается в научных и экспертно-аналитических публикациях), но и возникновение новых форм этнической консолидации и новых механизмов межэтнического взаимодействия.

Этническая революция как трансформация этнических структур

Само словосочетание «этническая революция» в качестве термина этнополитического дискурса появилось в начале 1970-х годов и имело вначале локальный смысл. Речь шла о социально-исторических процессах, происходивших на Ближнем и Среднем Востоке после Первой и Второй мировых войн, а именно о разрушении гомеостаза замкнутых этнических миров под двойным воздействи-

ем интенсивно формирующихся урбанизированных элит и развития современной транспортной инфраструктуры [Harik, 1972]. Логично было бы, однако, придать этому термину более общий смысл, спроецировав его на ситуацию в современном мире в целом (и тогда процессы, происходящие в каком-то отдельном регионе, могут рассматриваться как частный случай более широкого комплекса социально-исторических процессов).

Многим из тех, кто размышлял о социально-исторических последствиях развернувшихся эпоху индустриальных обществ интеграционных процессов, казалось, что эти процессы ведут к прогрессирующему сглаживанию, а в перспективе и к упразднению этнической (этнокультурной) дифференциации. Экспоненциальный рост деловых контактов между представителями различных этнонациональных общностей, а также обусловленная универсализмом техники нивелировка образов жизни (в самом деле, функции автомобиля, телефонного аппарата, телевизора или, допустим, пулемета, в принципе безразличны к этническим характеристикам пользователей), постепенно уничтожают объективную основу воспроизводства этнокультурных различий. В зависимости от политической ориентации эти ожидания могли принимать различную — более сильную («жить единым человеческим общежитием»¹) или несколько более слабую (концепции мультикультурализма) форму. Однако реальный ход событий не подтвердил этих прогнозов, продемонстрировав скорее то, что социально-исторические процессы имеют волнообразную конфигурацию, когда моменты некоторого снижения значимости этнического (этнонационального) фактора чередуются с периодами ее повышения.

Если говорить о времени развернувшейся на исходе XX в. этнической революции, то оно, похоже, является именно таким периодом. Еще в 1996 г., характеризуя те социально-исторические процессы, которые привели к дезинтеграции советского государства, мы говорили о феномене «возрожденной этничности», очевидным образом контрастировавшей с «приглушенной» (но отнюдь не исчезнувшей и не «уснувшей») этничностью предвоенного и послевоенного СССР. Одной из характерных примет 1990-х годов стала своего рода неконтролируемая экспансия дискурса этничности в сферу политического, когда противоречиям и конфликтам самой разной природы стремились придать этнокультурную окраску. Это порождало спрос на конструирование различных квазиэтнических общностей (например, этнополитической общности «народ Свердловской области» специально под проект так называемой Уральской республики). Процесс этот очень быстро принял деструктивные формы и уже обретал угрожающий вид, однако разумная и взвешенная политика федерального центра позволила в значительной мере отделить реальные этнокультурные потребности от политических интересов, что способствовало снижению потенциала конфликтности. В результате этого внутреннее положение Российской Федерации стабилизировалось. Если, по данным социологических опросов, вплоть до середины 2000-х годов этническая идентичность у россиян доминировала над общероссийской, то после 2010 г. их соотношение становится обратным, причем у представителей практически всех национальностей [Гражданская..., 2013: 41—43]. Это, однако, не опровергает

¹ Слова из известного стихотворения В. В. Маяковского «Товарищу Нетте — пароходу и человеку», в которых нашел свое выражение образ будущего, характерный для радикальных левых 1920-х — 1930-х годов.

выдвинутых выше тезисов об этнической революции и этническом возрождении. Просто значение этнического фактора как бы закрепилось на новом уровне, а между этнической дифференциацией и другими социетальными факторами был найден некоторый новый баланс, являющийся результирующей множества проб, ошибок и компромиссов. Проводившиеся российскими учеными мониторинговые социологические исследования выявили устойчивое сохранение этничности на фоне укрепляющегося общегражданского сознания. По оценкам российских социологов, в России доля людей с актуализированной этничностью в настоящее время доходит до 40% [Российское общество..., 2016: 341—342]. В этой связи обращает на себя внимание отказ от возвращения к советской практике выстраивания единой универсальной модели отношений между федеральным центром и этнополитическими образованиями различного уровня, определенная (в некоторых случаях довольно значительная) индивидуализация этой модели в зависимости от особенностей локальной ситуации (Татарстан, Чечня и др.). В ходе поиска этого нового баланса, который до конца еще, по-видимому, не определился, и уж во всяком случае определился «не навсегда», сложилась характерная для современной России подвижная — «пульсирующая» — идентичность, когда индивид в зависимости от ситуативного контекста может относить себя к разным культурно-политическим общностям, выступая то как россиянин, то как гражданин определенной республики или уроженец какого-то региона (дагестанец, москвич, сибиряк и др.), то как представитель определенного народа [Гражданская..., 2013: 321]. Хотя «вес» государственно-гражданской идентичности в составе этого комплекса автохарактеристик в последние годы увеличился, перекрывая более локальные и частные идентичности (включая этнические), Россия предстает в сознании своих граждан как «общий дом многих народов», а это значит, что посредствующим звеном между личностью и государством выступает не столько абстрактное «гражданское общество» (как это предполагается в стандартной западной схеме демократии), а конкретная этнокультурная общность с общей для всех ее представителей исторической судьбой.

Характерная для этнической революции актуализация проблематики этнонациональной идентичности, сопряженная с тенденцией переформатирования этнического поля, начало которым было положено еще в период так называемой перестройки, сохраняется и в постсоветских государствах. Самый яркий пример этого, конечно Украина. Здесь это переформатирование вылилось в острые формы гражданской войны между приверженцами традиционной русско-украинской идентичности и сторонниками разрыва с русским миром и конструирования по существу совершенно новой нации на основе этнографической самобытности галицийского сельского быта, исторических реминисценций времен австрийского и польского владычества, сумбурного опыта существования на территории юго-западных губерний бывшей Российской империи ряда выступавших под флагом «самостийности» эфемерных военно-государственных образований и идеологии украинизированного нацизма УПА. Но время от времени протуберанцы «форсированной этничности» продолжают вспыхивать и там, где вроде бы «все успокоилось» под эгидой сравнительно толерантных режимов, заинтересованных в поддержании согласия между этнонациональными и этноконфессиональными

общинами. Совсем недавний пример этому — продвигаемый ныне в Казахстане проект перевода казахской письменности на латинскую графику — «по образцу других тюркских народов». Затратность его реализации при этом рассматривается как нечто малозначительное перед лицом запроса на демонстрацию этнокультурной солидарности.

Может быть, все описанные только что явления следует отнести на счет неудачного советского эксперимента или, в крайнем случае, советского влияния на страны «восточного блока» (не забудем при этом про межнациональные противоречия, закончившиеся мирным «разводом» Чехии и Словакии, и кровавым распадом бывшей Югославии)? Не будем напоминать в этой связи про некоторые государства Азии и Африки (а в Африке, как известно, этнические консолидации и размежевания порой доходили до крайне экстремистских проявлений, таких как геноцид в Руанде и Конго, многолетняя война между арабским Севером и негритянским Югом Судана и др.). Но в последнее время мы наблюдаем формирование имеющих этнокультурную этиологию зон хронической напряженности также и в успешной, свободной, просвещенной, толерантной Европе — не только в Восточной, но и в Западной, где права и свободы отдельно взятой личности, казалось бы, вознесены над любой коллективистской солидарностью (включая, разумеется, и этническую), а уж национализм во всяком случае положено воспринимать как своего рода девиантное отклонение от нормативов политкорректности. А как можно объяснить возникновение такого рода проблем, если не признать, что и Европа ныне переживает цикл актуализации этнического (этнокультурного, этнонационального, этнотерриториального) фактора?

Повышение его значимости дает о себе знать сразу на нескольких уровнях. С одной стороны, это усталость от насаждаемой нынешними политическими элитами абстрактной и несколько «холодной» в силу своей этнической нейтральности «постнациональной» общеевропейской идентичности [Koormans, Statham, 1999]. И это в сочетании с усиливающимся раздражением, вызываемым оторвавшейся от корней наднациональной бюрократией, способствует образованию раскалывающих географическое и политическое пространство Евросоюза «кракелюр» и «трещин», конфигурация которых тяготеет к традиционным национальным и национально-государственным границам. С другой стороны, известны примеры актуализации раскалывающих уже государства-нации этнокультурных и этнотерриториальных различий, которые еще недавно казались всего лишь данью историческим реминисценциям (шотландский сепаратизм в Великобритании и каталонский в Испании, движение «Северная лига» в Италии).

В результате «сетка» этнонациональных различий переформатируется, что находит свое символическое выражение в переосмыслении событий прошлого, появлении новых исторических героев, перестройке нарративов идентичности. Воздвигаются (или наоборот — сносятся) монументы, учреждаются новые праздничные даты. Понятно, насколько важную роль в этом играют политические и интеллектуальные элиты, но предлагаемые изменения могут быть приняты массами, а могут быть и отвергнуты ими. Так, скажем, с падением советской власти россияне быстро отказались от празднования главного консолидирующего праздника советского времени — годовщины Октябрьской революции (ныне ее отмечают

всего 4 % россиян), но и введенные на смену ему День народного единства и День России, несмотря на их активную популяризацию, также не получили массовой поддержки (в первом случае она составляет также около 4 %, во втором — 7 %). Любимыми же народными праздниками как были, так и остаются очень разные по своему идеологическому генезису Новый год (празднуют 89 %), День Победы (75 %), 8 Марта (49 %), Пасха (41 %) и многократно переименованный День защитника отечества (40 %) [Российское общество...: 146]. Эти примеры наглядно показывают, насколько наивно думать, будто национальные символы являются предметом «конструирования». На самом деле процессы этнокультурной дифференциации и консолидации, в том числе и процессы этнической революции, являются *естественноисторическими*.

Миграция как фермент этнических трансформаций

В последние годы на этнокультурную панораму и национальное самосознание во многих странах очень сильно влияла миграция, которая в силу своего масштаба и интенсивности из явления повседневной жизни превратилась в особый системообразующий элемент социально-исторической динамики принимающих мигрантов обществ. В то же время интенсивные миграционные потоки создают здесь острые социальные проблемы, выливающиеся в политические противостояния с сопутствующей активизацией националистических настроений. В особенности это касается стран Европы, хотя и не только их (можно было бы напомнить в этой связи хотя бы о мексиканских рабочих в США или о гаитянских мигрантах в самой Мексике).

Делая ставку на миграцию как своего рода допинг экономического роста, политические элиты Евросоюза рассчитывали на сравнительно быструю интеграцию мигрантов по модели так называемого мультикультурного общества. В отличие от более сильных моделей интеграции типа «плавильного котла», в котором исчезают все первоначальные национальные черты и выковывается новая нация, она не требует полной нивелировки этнических различий. Более того, такие различия даже рассматривались как источник культурного многообразия, которое само по себе трактовалось как ценность. Однако нельзя не видеть, что имплицитно этнонациональная идентичность все же отодвигалась на задний план и как бы перекрывалась общегражданской идентичностью, основанной на принятии конституции и либеральных «общечеловеческих» ценностях. По отношению к этнонациональным традициям эти ценности должны были сыграть роль фильтров, определяющих, что из той или иной традиции приемлемо в мультикультурном обществе, а что нет [Гайслер, 2002].

Переселенцы европейского происхождения, конечно, более всего были способны адаптироваться к обычаям других европейских стран и, главное, проявляли желание ассимилироваться, хотя и в этом случае процесс порой наталкивался на чувствительные ограничения из-за рассогласования культурных кодов. А вот выходцы с Ближнего и Среднего Востока, а также из Африки в массе своей почти совсем не проявили склонности адаптировать свой образ жизни под евростандарты. По мере того как численность иммигрантов из этих стран достигала пороговых значений, необходимых для возникновения достаточно плотной социальной среды,

они формировали в городах Германии, Франции, Швеции, Бельгии, Нидерландов быстро разрастающиеся этнические гетто. Внутри них люди жили по своим обычаям и законам, в значительной мере игнорируя нормы принимающего их государства. Становилось понятно, что этнокультурные и этноконфессиональные связи в таких средах намного сильнее, чем притяжение казавшихся такими разумными и прогрессивными «европейских ценностей». При этом некоторые этнические анклавы быстро становились плацдармами криминальной самоорганизации, попытки же государственных органов восстановить здесь хотя бы относительный правовой контроль наталкивались на активное сопротивление, вплоть до уличных беспорядков и погромов. Как ни парадоксально это может прозвучать, но европейские страны в данном случае выступили фактически как объект *возвратной колонизации*. В результате после 2000 г. в массовом сознании отличавшихся до этого чрезвычайной толерантностью европейских стран произошел очень быстрый и резкий перелом: коренное население стало воспринимать массовые миграции как *этноконфессиональную агрессию*. Характерный пример: по данным репрезентативного опроса, проведенного в апреле 2016 г. Эрфуртским институтом новых социальных ответов (INSA), лозунг мультикультурализма **«Der Islam gehört zu Deutschland» («Ислам является частью Германии)» поддержали только 22% опрошенных, тогда как против высказались свыше 60%**². Понятно, что обострившееся восприятие этнокультурных различий естественным образом способствует актуализации этнонационального аспекта немецкого самосознания, это также одно из многообразных проявлений этнической революции.

Функциональность этничности

Хотелось бы попутно предостеречь от прямолинейного использования для характеристики такого рода явлений категории «архаизация». На самом деле эти явления органически связаны с глобальными трендами современности, причем отнюдь не только причинно-следственными связями. Самое главное то, что в современных социально-исторических условиях этничность весьма функциональна. Разумеется, отношения между индивидом и этнической группой имеют дорефлексивный характер и не вписываются в веберовскую модель целерациональности. И, конечно же, этнический индивид — это отнюдь не тот «ответственный гражданин», которого требует нормативная теория демократии. Но прежде чем сравнивать эти две фигуры, надо принять во внимание экспоненциальный рост сложности современного общества, характерный для него высокий уровень неопределенности и рисков [Бек, 2000]. Способен ли разум «ответственного гражданина» адекватно перерабатывать обрушивающиеся на него потоки противоречивой информации? И главное, насколько быстро он может это делать, чтобы его ответы на вызовы внешней среды не оказались слишком запоздалыми? В описанной ситуации возникает необходимость упрощения информационной картины, стереотипизации образов взаимодействующих с нами акторов, замене рассуждений интуитивными реакциями, формирующимися на эмоциональной основе. Так что, полагаясь на эмоционально переживаемую принадлежность

² Дебрер С. Стал ли ислам частью Германии? // Русская Германия, 15.05.2016.

к некоторому коллективному «мы», на своего рода «коллективный разум» общности, индивид как бы встраивается в коллективную информационно-поисковую систему, возможности которой существенно превосходят его собственные. Так, через каналы внутриэтнических взаимодействий в средах мигрантов передается чрезвычайно специализированная и конкретизированная до деталей информация об особенностях принимающего общества и различные неформальные ноу-хау, позволяющие эффективно решать возникающие у иммигрантов проблемы (в том числе и в обход формального законодательства).

Функциональность этничности в условиях современности ярко проявляется в так называемой этноэкономике. Истоки этноэкономики надо искать в существовавшей столетиями природно-хозяйственной специализации регионов («вмещающих ландшафтов»), которая наложила сильнейший отпечаток на менталитет многих народов: такова, к примеру, культура риса в Юго-Восточной Азии, культура зоны рискованного земледелия средней полосы России, культура пастбищного скотоводства в степях Центральной Азии и др. Но здесь можно говорить и о переходе в новое качество: этноэкономика — это перенос хозяйственных моделей, навыков и организационных структур в новые контексты, в том числе за пределы изначальной территории их формирования с одновременной модификацией, позволяющей использовать их в новых условиях и для освоения новых видов деятельности. Итальянские пиццерии и китайские рестораны в Нью-Йорке, азербайджанские овощные рынки в Москве, польские сосисочные в Стокгольме, филиппинская прислуга и чернокожие водители такси в Берлине и Вене — все это следствие глобальных миграций, одно из специфических явлений современной стадии глобализации. Причем надо подчеркнуть, что весь этот бизнес опирается на этнические ресурсы как дополнительные факторы конкурентоспособности. В этнической среде имеются эксклюзивные информационные каналы, вырабатываются неформальные методы быстрого решения деловых проблем, «своим» больше доверяют, что открывает доступ к дополнительным источникам кредита [Бредникова, Паченков, 2002; Овчинников, 2006; Kloosterman, Rath, 1998]. К тому же этническая солидарность гарантирует дополнительные уровни социальной защиты, что часто бывает для малого бизнеса крайне важным условием выживания.

Новое качество этничности

Однако не только устойчивость этнической дифференциации и не только возрастание роли этнического фактора дают поводы использовать понятие этнической революции. В широком смысле под этнической революцией надо понимать не ограниченный какой-то определенной территорией общий процесс переформатирования этничности и этнических идентичностей. При этом речь должна идти о возникновении некоторого нового качества.

Если перевести эту философскую постановку вопроса в плоскость привязки к конкретным явлениям и тенденциям, можно заметить ряд качественных изменений в том, что можно было бы назвать диспозициями этничности. Именно изменения «метрики» пространства глобальных взаимодействий (они обычно описываются как двойственные эффекты глобализации/локализации) более всего способствуют трансформации «сетки этнических различий», стимулируя,

с одной стороны, уменьшение масштаба ее «ячеек», а с другой стороны — сборку из этих ячеек новых кластеров с перспективой появления со временем новых национальных идентичностей.

Следует обратить внимание на все более широкое распространение ситуативных идентичностей. Если этническая (этнонациональная) принадлежность в классической своей форме обычно определялась вполне однозначно, то в современных условиях человек в разных ситуациях может попеременно идентифицировать себя по-разному. Например, уроженец Дагестана может ощущать себя то как лезгин или аварец, то как дагестанец, то как россиянин. То же самое можно сказать, к примеру, и о рожденных в Германии турках. В качестве характерного case study интересен в этом контексте пример перестройки биографического нарратива одной пожилой женщины, которая в специфических условиях эстонской этнократии и в противовес ей актуализировала свои старинные родовые корни и стала определять себя как остзейскую баронессу. При этом она, однако, не в меньшей степени ощущала себя советской женщиной, а также идентифицировала себя с Россией и русскими [Рождественская, 2012: 219—231].

Немаловажным фактором трансформации этнических диспозиций становится нарастающая дифференциация моделей материального воспроизводства общественной жизни. В свое время Маркс указал на две стороны этого процесса — производство материальных благ и производство самих людей. В те времена, когда это было сказано, и то, и другое представлялось неразрывно связанным, но на протяжении XX в. эти две функции необратимо разделились. Если еще сто лет назад народы мало различались по своей демографической продуктивности, то сегодня вопрос стоит так: либо цивилизация сверхбыстрого технического прогресса и производство все более совершенных и привлекательных вещей, либо традиционная семья и дети. Соответственно этому разделились по своим ценностным установкам и образу жизни входящие в альтернативные друг другу цивилизации этнические общности. Какие отношения будут в будущем складываться между разными по типу своей цивилизационной специализации этносами (условно говоря, типом 1 и типом 2), сказать довольно сложно. Возможны различные сценарии, и вопрос этот нуждается в проработке на базе социологических и социально-психологических исследований. Но похоже, что технически передовой Запад начинает проигрывать соревнование с незападными этносами из-за своей неспособности в достаточной мере обеспечить себя человеческими ресурсами, причем не только рабочей силой как таковой, но в последнее время во все большей степени также и кадрами массовых интеллектуальных профессий.

В известных работах Л. Н. Гумилева убедительно показана связь этногенеза с комплексными свойствами естественного географического пространства (так называемыми вмещающими ландшафтами). Однако предложенная им теоретическая модель в целом исходила из казавшихся в то время очевидных топологических характеристик географического пространства: оно мыслилось как некая условная плоскость, разделенная этническими сообществами на отдельные «участки». Допускалось, правда, некоторое наложение этих «участков» друг на друга, в результате чего возникали зоны этнических контактов (и этнического перемешивания). В условиях, созданных современным этапом глобализации, эта

модель кажется упрощенной. И дело не только в разрастании контактных зон, которые ныне уже никак нельзя рассматривать как сравнительно узкие полоски, окаймляющие массивы этнических территорий, но и в возникновении как бы «над» естественным географическим пространством охватывающего весь мир искусственно выделенного нового пространства, которое условно можно было бы назвать *собственным пространством глобализации*. Это связанные между собой магистралями быстрого перемещения и осуществляемыми в режиме реального времени онлайн-коммуникациями анклав стандартизованной в соответствии со всеобщими («международными») требованиями техногенной городской среды. Свойства этой среды по большому счету одинаковы во всех ее точках: человек, вышедший из офиса крупной корпорации в Нью-Йорке, севший в самолет и приземлившийся в аэропорту Гонконга, а потом забронировавший себе номер в гостинице Тайбея и вернувшийся оттуда в США с кратким заездом в Японию, везде встретит стандартный набор услуг, один и тот же облегченный английский в качестве нового эсперанто, Интернет, довольно похожие ресторанные меню, автомобили, телевизоры и компьютеры дюжины известных всему миру производителей и т. д. И хотя физически данная среда состоит из пространственно отделенных друг от друга сегментов, психологически ее можно воспринять как единое целое. Теоретически в ней можно пребывать даже «не выходя на улицу» и не интересуясь тем, что происходит вокруг в реальном географическом пространстве. Следует заметить, что принадлежность к этому искусственно выделенному миру тоже может создавать и реально создает сходство психологических реакций и некое типовое мировосприятие. Формируется своеобразная социальная общность трансграничной элиты, которую А. И. Неклесса метко охарактеризовал как «людей воздуха», противопоставив их тем самым «людям земли» (впрочем, сами эти метафоры употреблялись и раньше, Неклесса только возвел их в ранг социологических понятий) [Неклесса, 2005].

Наверно, для некоторых социологов и политических экспертов соблазнительно было бы увидеть в этом слое живое воплощение «постнациональной идентичности». Может быть... Но «постнациональная» не означает «постэтническая». Если этническая дифференциация органически связана с неоднородностью свойств жизненного пространства, то вполне логично предположить, что приставка «пост» в данном случае является временной и пока отражает только этап разрыва «людьми воздуха» своих отношений со «старыми» этносами (пресловутое «бегство элит»). Но это совсем не исключает того, что в новом «эфирном» пространстве идет формирование нового этноса с постепенным стиранием исторической памяти и признаков старых этносов, к которым «люди воздуха» первоначально принадлежали в силу происхождения.

Какая из этих двух гипотез верна, покажет будущее. Но это не значит, что логика данного процесса не должна интересовать нас уже сегодня, поскольку и здесь перед нами встает вопрос о том, как формирование описанного нами слоя влияет на общую картину этнических различий и межэтнических взаимодействий. А если перед нами все-таки процесс рождения нового этноса (или даже этноса *нового типа*), то какими могут быть его отношения со старыми? Их характер во многом зависит от предыстории, и некоторые предположения на этот счет могут быть вы-

двинуты уже сегодня — разумеется, на базе эмпирических данных. К сожалению, таких данных у нас недостаточно, а те, что есть, получены исключительно простым наблюдением. Эмпирическая социология этнических процессов (в широком смысле этого слова, включая в нее некоторые узко специализированные области знания, такие как миграционные исследования) в настоящее время практически не работает по теоретическим программам высокого уровня генерализации и не занимается верификацией таких теорий. Разумеется, она занимается нужным делом и прочно стоит на почве реальности, доставляя нам немало конкретного материала для размышлений. Однако вопросы, которые она задает себе и, соответственно, тем респондентам, с которыми она работает, это в основном вопросы обыденного здравого смысла, поэтому она представляет собой преимущественно *диагностику*, но ее *прогностический* потенциал ограничен довольно близкими временными горизонтами. Мы, например, можем зафиксировать нарастание (или, наоборот, спад) межнациональной напряженности в каком-либо регионе, оценить прочность внутриэтнических связей или скорость ассимиляции какой-либо группы мигрантов в новой для нее среде, но не в состоянии с уверенностью моделировать, допустим, вероятную динамику национального самосознания Украины или Белоруссии в его отношениях к «русскому миру» на предстоящее десятилетие. Для этого надо было бы проводить намного более сложные и многофакторные исследования с использованием приемов психосемантического моделирования характерных для разных этнонациональных общностей «картин мира», необходимость которых пока в полной мере не осознается.

Список литературы (References)

- Андреев А. Л. Этническая революция и реконструкция постсоветского пространства // *Общественные науки и современность*. 1996. № 1. С. 105—114.
- Andreev A. L. (1996) Ethnic revolution and reconstruction of post-Soviet space. *Social Sciences and Contemporaneity*. No. 1. P. 105—114. (In Russ.)
- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000.
- Beck U. (2000) Risk society. Towards a New Modernity. Moscow: Progress-traditsiya. (In Russ.)
- Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3. № 3. С. 74—81.
- Brednikova O., Pachenkov O. (2002) Ethnicity of «ethnic economy» and migrant social networks. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 3. No. 3. P. 74—81. (In Russ.)
- Гайслер Х. Граждане, нация, республика — Европа и мультикультурное общество // *Неприкосновенный запас*. 2002. № 5. С. 5—16.
- Geissler H. (2002) Citizens, Nation, Republic — Europe and the Multicultural Society. *NZ*. No. 5. P. 5—16. (In Russ.)
- Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М. : РОССПЭН, 2013.

Civic, ethnic and regional identity: yesterday, today, tomorrow. Moscow: ROSSPEN, 2013. (In Russ.)

Грох М. Консенсусное объяснение формирования наций // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 27—36.

Hroch M. (2011) Consensual Explanation of Nation-Formation. *Russian Studies in Philosophy*. No. 1. P. 27—36. (In Russ.)

Майнцер К. Вызовы сложности в XXI веке. Междисциплинарное введение // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 84—98.

Mainzer K. (2010) Challenges of complexity in the 21st Century: an interdisciplinary Introduction. *Russian Studies in Philosophy*. No. 10. P. 84—98. (In Russ.)

Неклесса А. И. *Homines Aeris.* Люди воздуха, или кто строит мир? М. : Институт экономических стратегий, 2005.

Neklessa A. I. (2005) *Homines Aeris, or Who Builds the World?* Moscow: Institut ekonomicheskikh strategii. (In Russ.)

Овчинников В. Н. Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования 2006. № 1. С. 118—123.

Ovchinnikov V. N. (2006) Ethnoeconomy as a factor of growth. *Studies on Russian Economic development*. No. 1. P. 118—123. (In Russ.)

Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012) Biographical method in sociology. Moscow: Izd. dom Vyssei shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Российское общество и вызовы времени. Книга 4. М. : Весь Мир. 2016.

Russian society and the challenges of time. Book 4. Moscow: Ves' mir. 2016. (In Russ.)

Harik J. F. (1972) The Ethnic Revolution and Political Integration in the Middle East. *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 3. No 3. P. 303—323.

Kloosterman R. J., Rath J. (1998) Across the border. Immigrants' economic opportunities, social capital and informal business activities. *Journal of Migrant and Migration Studies*. No 4. P. 249—268.

Koopmans R., Statham P. (1999) Challenging the Liberal Nation-State? Postnationalism, Multiculturalism, and the Collective Claims Making of Migrants and Ethnic Minorities in Britain and Germany. *American Journal of Sociology*. Vol. 105. No 3. P. 652—696.